

Бывает лишь один ночной
час безмятежный, —
сон младенца...

И душно пахнет летом — в сенцах,
и петухи — на полотенцах,
и ноздреватый хлеб — печной.

Бывает час, — ах! — мало, мало... —
когда из городских сует
сорвешься за город,
но нет —
назад не отмотаешь лет, —
и не тебя покличет мама.

И не твоей рукою гвоздь —
рукой сноровистой —
в заборе...

Пока тебя носило в море
житейском,
дом на косогоре —
твой дом —
уже и вкривь и вкось.

И мальчуган — макушка-рожь,
и у сестренки — две косички... —
чужое детство, быт, привычки.
За час — всю жизнь переживешь.
Проснувшись,
нервно ищешь спички...
И маму жалобно зовешь...

Там, в кружеве ветвей,
в паучьем деле тонком
трепещет солнце —
скольких! — летних утр, —
ты росный собираешь перламутр —
на нитку лет... —
совсем еще ребенком.

В любви и нежности твоей равновеликой
простая мудрость:
взгляд — открытый в мир,
жест — сердцу и —
так трогательно мил —
рот, перепачканный клубникой.

Ах, девочка! —
в руках ромашковым букетом —
вся жизнь
(пока не очень и пестра).
Так часто —
в сполохах осеннего костра —
тебя я вижу
тем далеким летом.

Это на грани яви и сна, —
и наслажденье и пытка, —
это костром полыхнула весна,
и пропылила кибитка.

Это вослед поднялись журавли,
это полынность напева...
Где же девичья упругость земли —
семени ждущего чрева;
звонких монисто да искр на ветру
дикая — страстная — схватка...
Ветру — слова,
все — что было — костру, —
вот кочевая повадка.

Словно нестройная речь босоты —
плакальщик-дождь, — по живому...
Это на грани... — такой высоты! —
неба, глядящего в омут.

Из всех свобод я выбрала любовь, —
она всегда мне отвечала светом, —
весной и осенью, зимой и летом.
Из всех свобод я выбрала любовь.

Из всех наград я выбрала любовь.
Любовь — люблю — любить — любя — любовно.
До самоотреченья. Безусловно.
Из всех наград я выбрала любовь.

Из всех утрат я выбрала любовь, —
в разбитом сердце мудрость прорастает, —
как вздох, как вздох — негромкая простая.
Из всех утрат я выбрала любовь.

Из всех высот я выбрала любовь —
из всех страстей, религий, заблуждений,
из казней всех земных, из наслаждений.
Из всех высот я выбрала любовь.

* * *

Забавы ради тополиный дым
гонял без устали он по дорогам пыльным.
Он был моим поверенным, посыльным,
но ветренным и просто молодым.

Дышал в лицо мне клевером и мятой,
и в жар бросало от таких забав.
А он крепчал, гоняя волны трав,
по вспугнутой степи, тоской объятай.

Теперь делить уж нечего мне с ним, —
он, возмужав, порывист стал, прохладен,
до золота — листвы — ужасно жаден,
непредсказуем и необъясним.
То из озябших пальцев вырвет зонт,
а то в попутчики навяжется, играя.
Он был поверенным...
Но удержи у края
того, кому неведом горизонт.

* * *

Когда-нибудь (застигнута врасплох)
постичь не в силах разочарованья,
вернусь в свой сад, что в пору увяданья
и к моему страданью не оглох.

В нем все живет, — одним лишь днем — и пусть! —
пока в ночи вдруг заморозок грянет.
Я в сердце сада — он мне в душу глянет,-
и мы разделим горе, горечь, грусть.

Еще нескоро ляжет снежный гнет,
и мне, поверив в Бабье лето, снова
сад — в утешенье — дорогое слово
листвой опавшей ласково шепнет.